

ДМИТРИЙ ТРАВИН

ИСТОРИЧЕСКАЯ
СОЦИОЛОГИЯ

В «ИГРЕ

ПРЕС | ОЛОВ»

Дмитрий Травин

**Историческая социология
в «Игре престолов»**

«Страта»

2019

УДК 316 + 008
ББК 60.5

Травин Д. Я.

Историческая социология в «Игре престолов» / Д. Я. Травин —
«Страта», 2019

ISBN 978-5-907127-66-1

Это серьезная книга, несмотря на то что посвящена она анализу некоторых событий, показанных в развлекательном сериале. Это книга для тех, кому понравилась «Игра престолов» и захотелось узнать о том, в какой мере она отразила европейские реалии. Автор книги — научный руководитель Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге — пишет не просто об исторических аналогиях, а о том, как «Игра престолов» помогает понять развитие общества. События сериала ставят вопросы, а ответы на них берутся из настоящей истории. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 316 + 008

ББК 60.5

ISBN 978-5-907127-66-1

© Травин Д. Я., 2019

© Страта, 2019

Содержание

Введение	6
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дмитрий Травин

Историческая социология в «Игре престолов»

© Травин Д. Я., 2019, текст

© Емельянов Г. Д., 2019, графика

© ООО «Страта», 2020

* * *

Введение

От Вальтера Скотта – к Джорджу Мартину

Когда демонстрация сериала «Игра престолов» уже подходила к концу, в социальных сетях появилось много людей, бравирующих тем, что они не смотрели ни одной серии. Никто их, вроде, не спрашивал об этом, но по какой-то причине мои друзья по Facebook¹ вдруг стали вывешивать объявления, из которых следовало, что они ничего не видели, ничего об этом сериале не знают, смотреть кино не собираются, но с некоторым изумлением глядят на тех, кто «Игрой престолов» всерьез увлекся. Думается, это говорит нам о двух любопытных вещах.

Во-первых, о феноменальной известности сериала даже среди тех, кто его не смотрел. Никто ведь не объявляет во всеуслышание, что не смотрел, скажем, сериал «Воронины» или «Интерны». А тут вдруг люди специально решили позиционировать себя по отношению ко всем известной «Игре престолов».

Во-вторых, о своеобразном снобизме в отношении такого рода проектов. Мы, мол, серьезные люди: ерундой не занимаемся. Вряд ли кто-то из интеллектуалов начнет бравировать тем, что не смотрел ни одного фильма Андрея Тарковского или Ингмара Бергмана (хотя на самом деле классику ныне редко кто смотрит), поскольку подобное невежество грозит потерей репутации. А в отношении «Игры престолов» многие не стали скрывать своего презрительного отношения.

В этой связи мне вспомнился случай, описанный известным французским историком Мишелем Пастуро. В 1983–1984 годах один журнал задал профессиональным медиевистам вопрос о том, как у них появился интерес к Средневековью. Казалось бы, ученые должны были сказать что-то о важности этой темы для науки, о ее недостаточной исследованности или о том, что невозможно понять проблемы современности без погружения в Средневековье. Люди, однако, не стали надувать щеки и сочинять то, чего на самом деле в их жизни не было. Среди примерно трехсот опрошенных треть утверждала, что в интригующий мир Средневековья их ввел роман Вальтера Скотта «Айвенго» или фильм, снятый по роману в 1962 году. Сам Пастуро отметил, что в восьмилетнем возрасте за одну неделю раз пять посмотрел этот фильм. Даже выдающиеся историки XX века, такие как Жак Ле Гофф, обращали внимание на роль романтики при формировании своих научных интересов.

¹ Соцсеть Фейсбук принадлежит компании Мета, которая признана экстремистской организацией. Её деятельность запрещена в России.

И впрямь, чем еще может привлечь наука мальчишку, девчонку или даже юных студентов? Профессиональные взгляды формируются медленно – по мере обретения достаточных знаний. А специализация обычно происходит в молодом возрасте. И надо как-то определяться с областью знаний, избираемой для карьеры, в тот момент, когда еще трудно все взвесить всерьез. Тут-то на помощь нам приходит романтика. Мы выбираем не столько то, что знаем, сколько то, что привлекает.

Не стоит, конечно, всю жизнь изучать историю по романам и сериалам, как делают иногда дилетанты, не способные справиться с чтением серьезной научной книги. Пробуждение интереса и обретение реальных знаний – это разные задачи, решаемые в разном возрасте. Роман «Айвенго» Вальтера Скотта существует для одной цели, а монография «Цивилизация средневекового Запада» Жака Ле Гоффа – для другой. С этой точки зрения нам стоит взглянуть сегодня и на «Игру престолов», которая – хотим мы того или не хотим – стала своеобразным аналогом «Айвенго». По крайней мере, если судить по ее популярности в последние годы.

Джордж Мартин хорошо вводит читателя «Песен льда и пламени» (и зрителя сериала «Игра престолов», поставленного по этой книге) в мир Средневековья. Или, точнее, в свой собственный вымышленный мир, сконструированный на основе европейских средневековых реалий. Не будем сейчас ломать копыя относительно преимуществ и недостатков жанра фэнтези. Кому-то он нравится, а кто-то ностальгирует по милому романтизму эпохи Вальтера Скотта или Александра Дюма. Примем как факт то, что фэнтези интересно миллионам читателей и зрителей XXI века. А значит, именно этот жанр постепенно становится проводником в историю.

Вот только в историю ли? Ведь мир-то вымышленный.

На самом деле, если исключить очевидную экзотику вроде огнедышащих драконов, ходячих мертвецов, воскресающих после смерти мужчин и не сгорающих в огне женщин, окажется, что Джордж Мартин весьма точно передал мир Средневековья. Он разложил реальную жизнь той эпохи на элементы, из которых она складывалась, затем перемешал их и, наконец, сконструировал на базе этого материала свой собственный мир. Подчеркнем, сконструировал не из пустых фантазий, а именно из реальных элементов. Европейское Средневековье было, конечно, совсем не таким, как у Мартина. Но оно могло бы быть примерно таким, если бы история по каким-то причинам совершила ряд неожиданных крутых поворотов.

Допустим, некий молодой человек, посмотрев «Игру престолов», решил стать историком. И даже специализироваться на средневековье. Взявшись за серьезные книги, он обнаружит много знакомого. На место вымышленного мира рано или поздно он поставит мир реальный, но ему не придется кардинально переучиваться. Ему придется, скорее, наложить реальные исторические знания на те эмоции, которые были пробуждены сериалом. А ведь эмоционально втянуться в изучаемый предмет не менее важно, чем рационально его проанализировать. И эту задачу эмоционального втягивания «Игра престолов» решает оптимально.

Впрочем, я не стал бы писать эту книгу, если бы дело было только в истории. «Игра престолов» является хорошей отправной точкой для изучения исторической социологии. Если мы хотим понять, как наше современное общество проросло из далекого прошлого, то стоит оттолкнуться от Джорджа Мартина. Как ни странно, изучение произведений в жанре фэнтези помогает нам разрушить некоторые мифы о формировании современного общества. Мифы, мешающие понять не только далекое прошлое, но и то, в каком мире мы живем сегодня.

Что же за наука – историческая социология? Она изучает ряд проблем, которые всех нас волнуют в реальной жизни, но которые по отдельности ни история, ни социология, ни экономика, ни политология не изучают.

Почему одни страны богатые, а другие – бедные? Существуют ли какие-то научные объяснения того, по какой причине в одних государствах успешно развивались торговля, промышленность и, наконец, высокие технологии, тогда как в других с этим делом не заладилось?

Можно ли сказать, используя события «Игры престолов», что, допустим, в Браавосе живут умные люди, сумевшие разбогатеть с помощью операций Железного банка, в Вестеросе – люди поглупее, а за Стеной – совсем никчемные?

Почему в одних регионах мира успешно формируется демократия, тогда как другие страдают от авторитарных режимов? Можно ли сказать, что в автократиях люди любят рабство, а в демократиях – свободу? В «Игре престолов» рабовладельческие города отделены от Вестероса Узким морем. Неужели же склонность людей к свободе имеет географические причины? Или здесь дело в чем-то ином?

Каким образом в современном мире распадаются империи? И почему они перед этим все же долгое время существуют? Что скрепляет их разнородные части? И что происходит со скрепами, когда люди вдруг заявляют о необходимости разойтись по разным национальным домам? Проще говоря, почему в Вестеросе королевств было целых семь, но борьба шла за один на всех Железный трон?

Как устроено судопроизводство? Почему в некоторых случаях решение происходит буквально в один момент: правитель вершит суд единолично, берет меч и сносит с плеч голову преступника? А в других случаях суд – это сложная процедура, в которую, помимо обвиняемого, вовлечено множество людей – судьи, прокуроры, адвокаты, присяжные, свидетели? Почему в «Игре престолов» мы видим оба этих варианта принятия судебных решений, а также некоторые другие?

Как возникает и почему сохраняется неравенство людей? Ведь большая часть населения обычно относится к числу бедняков или середняков. А настоящие богатства сосредотачиваются в руках небольшого привилегированного меньшинства. Почему же большинство населения терпит несправедливость? Или ему подобное положение дел вовсе не кажется несправедливостью?

По каким причинам возникают революции? Происходят ли они в бедных странах из-за нищеты и невозможности терпеть плохие условия жизни? Или они случаются в развивающихся странах, которые из нищеты уже выбрались, но пока не достигли всеобщего благосостояния? Можно ли сказать, будто существуют народы-смутьяны, склонные к непрерывному буйству и постоянно выступающие против своих властей, и народы смиренные, властям подчиняющиеся?

В «Игре престолов» есть эпизоды, когда кажется, что в Королевской Гавани вот-вот разразится революция, поскольку бедняки, возмущенные своим убогим положением, готовы подняться на протест. Однако в итоге страсти стихают, знатные персоны укрываются за стенами Красного замка, а простонародье вновь приступает к труду. Почему же иногда в реальном мире из подобных уличных столкновений возникают революции с баррикадными боями, а иногда нет?

Таковы лишь важнейшие вопросы, рассматриваемые исторической социологией. Подробнее с этой наукой можно познакомиться, изучив профессиональные исследования, ей посвященные. Например, книгу Ричарда Лахмана «Что такое историческая социология?». А пока мы будем анализировать серьезные проблемы, отталкиваясь от увлекательных приключений героев сериала.

Читать эту книгу могут как те, кто внимательно смотрел сериал «Игра престолов», так и те, кто его не смотрел и книг Джорджа Мартина не знает. Хотя по понятной причине второй группе будет сложнее втягиваться в чтение, она может особо не следить за увязкой событий сериала с реальной европейской историей, а сразу внимательнее изучать выводы. Но при этом следует помнить, что в нашей книге подробно рассказывается о событиях «Игры престолов» и о том, чем все кончится. А потому читателям, желающим все же посмотреть сериал или почитать Джорджа Мартина, лучше на время отложить купленную книгу, чтобы не испортить себе будущие впечатления преждевременным знакомством с сюжетными поворотами.

Мы не сможем, конечно, на материале «Игры престолов» разобрать все проблемы исторической социологии, поскольку далеко не все они были затронуты Джорджем Мартином. Мы постараемся проанализировать то, что увидели на экране, и то, что прочли в книге. А для более подробного знакомства с этой наукой можно будет в дальнейшем обратиться к научной литературе.

Автор

Глава 1

Почему в Семи Королевствах не было ни одного парламента?

Вестерос очень похож на средневековую Европу. Короли и рыцари. Турниры и прекрасные дамы. Непрерывные войны и чудовищная жестокость. Но существует одно явное несоответствие. В Вестеросе нет парламента. Нигде. Нет его в Королевской Гавани, в которой существуют все прочие признаки высокой цивилизации – ремесло, торговля, обширное городское население и даже столь любимые героями сериала бордели. Нет парламента и на Севере: Старки вполне обходятся без него.

В тех редких случаях, когда северянам необходимо было знать мнение народа, чтобы выбрать нового короля (сначала Робба Старка, а затем Джона Сноу), собирались не избранные от городов и земель парламентарии, а главы ведущих родов. Похожим образом обстояло дело и на Железных островах. Никакого парламента там явно не имелось, а после гибели Бейлона Грейджоя для избрания нового короля на берег моря сходились влиятельные мужи. Политические механизмы Дорна и Простора показаны менее подробно, но и там трудно заподозрить наличие «народных избранников» во властных структурах.

Механизм власти в Королевской Гавани является наиболее сложным. Во главе государства стоит король. Текущее управление государством (особенно в ситуации, когда монарх много пьет и охотится, как Роберт Баратеон, или когда он еще не достиг совершеннолетия, как Джоффри и Томмен) осуществляет королевский десница. Его функции напоминают функции премьер-министра. А кроме премьера есть еще и другие министры, объединенные в Малый Совет. Мастер над монетой (министр финансов), Мастер над шептунами (глава спецслужб). Мастер над законом (министр юстиции). Рядом с ними еще находится Великий Мейстер с не вполне определенными функциями – эдакий министр иностранных дел. Естественно, есть Командующий королевской гвардией и Мастер над кораблями (командующий морскими силами). Но нет ни малейшего признака парламента.

Север выглядит более традиционным. Эддард Старк из замка лично управляет, по всей видимости, своими землями. Другие главы родов Севера управляют своими, неся обязательства перед Старками как перед феодальными сеньорами. И вновь нет никакого парламента. Никто не собирает в Винтерфелле представителей северных земель для решения каких-нибудь вопросов.

А ведь в реальной Европе парламенты функционировали практически повсюду. Первый появился уже в XII веке. Было это в маленьком государстве Леон на Пиренейском полуострове. Можно сказать, что из него выросли кастильские Кортесы, поскольку Леон затем объединился с Кастилией. Знаменитый английский парламент сформировался в XIII веке. В начале XIV столетия французский король впервые созвал Генеральные Штаты. Потом появились польский Сейм и шведский Риксдаг. В России Земские соборы стали собираться в XVI–XVII веках.

Названия парламентов в разных странах были разными, но смысл оставался общим. Монархи созывали представителей городов, дворянства, духовенства, а изредка и крестьян, чтобы обсудить с ними какие-то важные проблемы. Ни малейших признаков подобной практики в Вестеросе мы не обнаруживаем. Если нам удастся понять, почему ни Таргариены, ни Баратеоны, ни Ланнистеры, ни Старки, ни Тиреллы, ни Мартеллы, ни Грейджои не нуждались в народном представительстве для решения важных текущих вопросов и собирали глав кланов, вождей племен, старейшин или других distinguished персон лишь в некоторых форс-мажорных обстоятельствах, мы сможем понять одну из важнейших причин того, почему Европа стала в какой-то момент развиваться.

Как воевали европейцы

Средних веков

Казалось бы, для того чтобы понять причины появления парламентов в европейских странах, мы должны изучить классовую борьбу. Народ, мол, боролся с королями за свои права, требовал от них предоставить возможность принять участие в государственном управлении и, наконец, вынудил монархов создать систему народного представительства. Возможно, марксисты и впрямь будут настаивать на таком объяснении, однако вряд ли с ним можно согласиться. Причины появления парламентов не связаны напрямую ни с классовой борьбой, ни с какой-то иной, хотя в ряде случаев (например, в Англии) конфронтация между королем и рыцарством сильно способствовала формированию народного представительства.

Как ни странно, чтобы разобраться в этом вопросе, мы должны для начала заняться не парламентами, а средневековыми армиями. На первый взгляд, что может быть дальше друг от друга? Парламентарии мирно заседают и много говорят, тогда как армии сражаются друг с другом не языками, а оружием. Тем не менее в реальности именно из необходимости решения «военного вопроса» возникли в какой-то момент европейские парламенты.

Итак, погрузимся в эпоху раннего Средневековья. Армии европейских королей имели тогда чисто феодальный характер. Это означало, что вассалы должны были нести службу для своих сеньоров в уплату за землю, которую те им предоставили. В самых общих чертах схема выглядела следующим образом. Когда король отправлялся на войну, он бросал клич, и со всех концов его государства под королевские знамена стекались сотни воинов. «Конно, людно и оружно», как говаривали, например, в отношении русской армии. Эти воины должны были сами хорошенько вооружаться, обзаводиться приличными доспехами и крепкими конями. Должны были иметь с собой определенный запас продовольствия или добывать себе еду на вражеской территории. По большому счету в средневековой войне каждый отвечал сам за себя. Не вооружишься как следует – тебя убьют в бою. Не прокормишься сам – помрешь с голоду или, по крайней мере, силы потеряешь.

У монархов не имелось достаточно денег для того, чтобы финансировать всю военную кампанию. Или, точнее, монархи были богаты землей, а не деньгами. Они раздавали свою землю в лен под тем условием, что пользователь надела оплатит за нее своей службой, когда

придет для этого время. Так что именно доход с земли должен был обеспечить рыцарей оружием, доспехами, конями и продовольствием.

Формально эта схема могла, вроде бы, неплохо работать. Если судить по разным романтическим книгам и художественным фильмам, благородные рыцари сражались за интересы своих королей, стремясь добыть себе в бою честь и славу. Однако на деле все было намного сложнее. Честь и слава, конечно, важные стимулы, и они действительно заставляли многих рыцарей героически сражаться, но для других ленников имели значение другие моменты.

Для начала надо заметить, что механизм, согласно которому рыцарь сначала получал плату за свою службу землей и лишь затем должен был отслужить в будущих войнах, провоцировал уклонение от войны под разными благовидными предложениями: земля-то ведь уже своя. Никуда не денется.

Конечно, король формально имел возможность изъять землю у феодала и отдать ее кому-то другому, если землевладелец службу не сослужил. Но на практике это не всегда получалось. Войска вассала в некоторых случаях могли не уступать по силе войску сеньора: а в этих условиях поди-ка отними что-нибудь. Кроме того, если королю в данный момент времени грозила война, ему некогда было разбираться со строптивцами. А после окончания войны монарх мог оказаться слишком ослаблен поражением или серьезными потерями, понесенными в боях, для того чтобы совершать акт возмездия над вассалом, не выполнившим свой долг.

Насколько известно, прямое предательство своего сеньора было все же не так сильно распространено в Средние века. Прямое циничное нарушение феодального договора отрицательно сказывалось на репутации «предателя и злодея». Имелись, однако, объективные обстоятельства, по которым держатель земли мог не явиться (или явиться не в нужный момент) к своему королю.

Во-первых, честь – честью, но конкретный характер службы прописывался условиями договора, который должны были, естественно, соблюдать обе стороны. А условия эти предполагали участие вассала в войне лишь в течение определенного времени. Как правило, сорока дней в году. И эти сорок дней нормальный вассал был готов честно отрубить под знаменами сеньора. Однако война ведь не идет по расписанию. Поход мог длиться и сорок дней, и восемьдесят, и полгода, и год. Если за оговоренный в договоре срок результат военной кампании не достигался, вассал имел право с чистой совестью и без угрозы земельных потерь отправляться домой. В этой ситуации особо сложно было вести наступательные войны на отдаленных территориях. Например, осуществлять походы германских императоров в Италию. Пока дойдешь – сорок дней, глядишь, уже миновали.

Во-вторых, договорные отношения предусматривали честность сеньора по отношению к вассалу. Сеньор не должен был обижать вассала никоим образом. Если вдруг появлялась обида, вассал имел моральное право не выполнять свои обязательства. И если это право признавалось другими вассалами, то королю трудно было собрать силы, чтобы наказать строптивца.

В «Игре престолов» Карстарки обиделись на Робба Старка и его мать за то, что их пленник Джейме Ланнистер был отпущен в Королевскую Гавань с условием, что он, в свою очередь, освободит и пришлет матери сестер Робба – Сансу и Арию. Обида Карстарков состояла в том, что Джейме таким образом уходил от кары за убийство одного из членов их рода. Выходило, будто Старки ценят жизнь членов своей семьи, но совершенно не считаются с жизнями тех, кто находится под их покровительством. Возник острый конфликт. Рикард Карстарк казнил двух юных Ланнистеров, оказавшихся у северян в плену. Робб покарал за это Рикарда смертью. В результате междоусобного конфликта Карстарки увели свою армию из войска Робба. И тот не смог их за такое «предательство» покарать. Как потому, что у него не было на это времени и сил, так и потому, что Робб сам не чувствовал себя вполне правым. Или, точнее, считал, что неправый поступок совершила его мать, отпустив Джейме.

В-третьих, некоторые богатые феодалы могли держать земли от разных сеньоров. Например, одни территории – от французского короля, другие – от германского императора. В соседних странах на пограничных землях такое вполне могло получиться. Как выполнять свои феодальные обязательства в подобных случаях? Кому служить, если сеньоры вступят в конфликт между собой?

В-четвертых, иногда могли возникать сложные юридические коллизии, при которых неясно было, следует ли вообще вассалу выполнять свои обязательства перед сеньором. Подобный случай хорошо показан в «Игре престолов», когда Джон Сноу и Санса Старк пытаются собрать армии ведущих домов Севера для борьбы с Рамси Болтоном. С одной стороны, главы домов не отрицают своих обязательств перед Старками. Но с другой – возникает вопрос, являются ли эти двое полномочными представителями дома. Джон – сын Эддарда Старка, но при этом бастард. Санса – законная жена Рамси, то есть уже не Старк, а Болтон. При этом известно: Бран Старк пропал, а Рикон – в плену. Есть ли вообще у лордов Севера обязательства перед Старками или можно считать, что этот дом пресекается?

Когда возникают подобные юридические коллизии, вассалы поступают не по вечным правилам, а в соответствии с массой преходящих обстоятельств. Кто-то ставит честь выше выгоды, а кто-то – наоборот. Кто-то трактует неясности в пользу сеньоров, а кто-то – в свою пользу. Кто-то вынужден поддаться давлению сильной стороны конфликта, а кто-то может быть защищен от такого давления преимуществами своего географического положения (как были, к примеру, защищены Аррены, чей замок Орлиное гнездо находился в практически неприступном для врагов месте, или Мартеллы, поскольку Дорн отделен от остального Вестероса горной грядой).

Таким образом, в целом можно сказать, что феодальная армия, сформированная методом службы за землю, оказывается не слишком надежна. Феодализм в военном деле был не сознательным выбором средневековой Европы, а вынужденным шагом, который пришлось сделать в ситуации, когда иным способом трудно было осуществить объединение множества раздробленных сил европейцев.

Дело было после того, как Римская империя, имевшая большую и сильную армию, пала под ударами варваров. Сами варвары осели на разных землях, перестали кочевать, стали постепенно формировать собственные государства. Но тех механизмов для организации армии, которые имелись в распоряжении римлян, у них уже не было. Экономика сильно деградировала, крупные города скукожились, рыночные отношения уступили место натуральному хозяйству, финансовых ресурсов не имелось, чиновничий аппарат империи растворился. Армию невозможно было построить ни с помощью денег, ни с помощью бюрократической организации. Система связей «сеньор – вассал» оказалась в такой ситуации единственным механизмом, способным объединить силы различных королевств для отпора новым агрессорам, устраивавшим набеги на Европу с трех разных сторон. Для отпора норманнам, плывущим на своих драккарах с севера. Для удара по сарацинам, наседаящим с юга. Для защиты от мадьяр, атакующих с востока. Соппротивление этим народам Европа смогла оказать лишь с помощью феодальных армий, но дальше встал вопрос о необходимости их трансформации.

Утром служба – вечером деньги

Суть этой трансформации можно образно передать, сравнив ее с дилеммой из знаменитого романа Ильфа и Петрова: утром деньги – вечером стулья или утром стулья – вечером деньги. Военная служба становится более-менее эффективной, если солдат получает плату за реальное участие в сражении. То есть «утром» он сражается, а «вечером» ему дают за это деньги. Тот, кто вообще не пришел на битву или в последний момент вдруг дезертировал, не получает ничего. Обратим внимание, что подобный механизм прямо противоположен фео-

дальней практике, при которой вассал уже сидит на земле и, получая с нее выгоду, размышляет, в какой степени стоит выполнять свои обязательства перед сеньором.

Феодальное войско должно было рано или поздно смениться войском наемным. Про наемников иногда говорят, что они плохие солдаты, поскольку жадны, корыстны, непатриотичны, могут перейти на сторону того, кто больше заплатит. А если им вдруг не заплатят за проделанную боевую работу, наемники могут превратиться в бандитов, грабящих соседнюю местность вне зависимости от того, кому она принадлежит... Все это верно. Наемная армия – отнюдь не идеал. Примеров ее плохой «работы» европейская история знает немало. Но мы сейчас сравниваем эту форму построения войска не с идеалом, а с войском феодальным. И нет сомнений в том, что примерно к XV–XVI векам европейские правители поняли: выбор следует делать именно в пользу расширения числа наемников.

Вообще-то воины-наемники никогда не исчезали из европейской истории. Но долгое время их было сравнительно мало. Примерно как в Вестеросе. Из главных героев, сражающихся в «Игре престолов», наемником был только Бронн. И это в фильме подчеркивается постоянно. Бронн – хороший парень. Честный, смелый. Причем на самом деле даже не слишком корыстный. Но он постоянно ведет речь о деньгах, как положено всякому наемнику. То с Тирионом Ланнистером, то с его братом Джейме.

Наемниками являются «золотые плащи», охраняющие Королевскую Гавань. Но их численность сравнительно невелика. Денег в бюджете на содержание этой гвардии постоянно не хватает. «Золотые плащи» могут, конечно, сыграть решающую роль в защите престола от происков внутренних врагов или в организации заговора, но большого значения в военных действиях не имеют.

Наверное, наемники были не только в Королевской Гавани. Роберт Баратеон восклицает однажды в сердцах: «У нас куча армий. У каждого, кто готов платить». Однако здесь речь идет, скорее, о сравнительно небольших подразделениях, которые на Руси называли княжескими дружинами, поскольку платить за настоящую армию было нечем.

Ланнистеры – самые богатые аристократы Вестероса. Королевская казна задолжала им большую сумму денег. Но и они испытывали нехватку средств в сравнении с масштабами потребности в наемниках. Их золотые рудники со временем истощились, а новых источников доходов не появилось. И вот Джоффри как-то раз в гневе говорит своей матери Серсее: «Я бы удвоил налоги. Нам нужна регулярная армия, а не толпа крестьян, впервые взявших копья». На это высказывание можно взглянуть как на очередное проявление жестокости плохого мальчишки, но вообще-то упоминание того, что для войны приходится вооружать даже крестьян, является важным свидетельством того, как была устроена армия.

А как же обстояло дело не в мире фэнтези, а в действительности? В истории раннего европейского Средневековья время от времени попадаются упоминания о наемниках. Например, викинги служили за деньги византийским императорам, поскольку Константинополь был по тем временам довольно богатым городом. А когда на вооружение взяли арбалеты, требующие от стрелка особого мастерства, в большой цене оказались генуэзские арбалетчики, умеющие метко стрелять. Наемники могли дополнять феодальную армию, но не заменять ее целиком. Однако со временем положение дел стало меняться. В Европе нашлось две точки, в которых по разным причинам образовались денежные средства для финансирования войска. И в этих точках феодальная армия стала трансформироваться в наемную.

Наилучшие условия для такой трансформации сложились в Северной Италии примерно к XIV столетию. В этом высокоразвитом регионе постепенно сформировалось несколько богатых городов, успешно занимавшихся торговлей, ремеслом и банковским делом. Венеция, Генуя и в меньшей степени Пиза, Амальфи активно торговали с Левантом (Восточным Средиземноморьем), откуда привозили в Европу дорогостоящие пряности, и с Северным Причерноморьем, откуда шла доставка рабов. Флоренция и Сиена превратились в банковские центры,

обслуживавшие Святой Римский престол, причем флорентийцы, помимо кредита, преуспели еще и в производстве высококачественных шерстяных тканей. Милан и Брешиа стали крупнейшими центрами металлообработки, производящими, в частности, оружие.

Сильные и богатые города стали превращаться в города-государства. Сами собой управляющие, сами потребляющие свои богатства и сами их защищающие. Большая численность населения Венеции, Милана, Флоренции, Сиены и Генуи теоретически позволяла формировать для войн народные ополчения. И действительно, некоторое время такие ополчения граждан решали для городов те же проблемы, которые решали для монархов Европы феодальные армии. Но со временем зажиточные бюргеры все реже и реже стремились к тому, чтобы самостоятельно «ополчаться».

С одной стороны, надо признать, они не очень-то это умели делать. Бюргеры с мечами не слишком отличались от тех крестьян с копьями, про которых упоминал Джоффри. Человек, который постоянно торгует или производит ткани, вряд ли приобретет когда-нибудь навык хорошего воина. Даже оружейник, кующий мечи, редко умеет сражаться ими, как профессиональный мечник, регулярно участвующий в сражениях. Судьба Джендри – бастарда Роберта Баратеона из «Игры престолов» – это хорошо демонстрирует. В сражении он предпочитает не меч, а молот. Но большие мускулы, энергия и отвага – это еще не военное мастерство. Невысокий и немускулистый Джон Сноу как воин намного успешнее Джендри.

С другой стороны, богатеющие бюргеры не очень-то и стремились подставляться под вражеские стрелы, мечи и копья. Если есть деньги для того, чтобы откупиться от службы в ополчении, то зачем же служить? А если деньги есть у всего города, то зачем же вообще служить горожанам? Не проще ли нанять воинов, которые умеют сражаться и хотят заработать? Актуальность данной проблемы в «Игре престолов» показывает судьба торгово-промышленной Королевской Гавани, превосходящей по численности населения весь Север, но плохо умеющей себя защищать от нападения Станниса Баратеона или Дейенерис Таргариен.

Благодаря деньгам богатых городов в Италии стали формироваться наемные отряды, возглавляемые так называемыми кондотьерами. Это были военные предприниматели – иногда итальянского, а иногда немецкого или даже английского происхождения, – которые заключали договоры (кондотты) на охрану того или иного города, а полученные деньги использовали для формирования своей банды. Чем больше было богатых городов, тем больше появлялось охранных отрядов и кондотьеров. Особенно сильно этот бизнес разросся во второй половине XIV – первой половине XV веков благодаря успешному развитию городов и появлению в Италии солдат, временно свободных от участия в боевых действиях Столетней войны. Памятники кондотьерам Бартоломео Коллеони в Венеции и Гаттамелате в Падуе, а также фреска, изображающая Джона Хоквуда в Санта Мария дель Фьоре во Флоренции, наглядно свидетельствуют об этом.

Помимо Северной Италии, второй важной точкой формирования системы военной службы за плату стала Англия. Но по совершенно иной причине. Эта страна в Средневековье была отнюдь не такой богатой, как мы привыкли считать, изучая ее по промышленным успехам XIX–XX веков. Торговля и ремесло в средневековой Англии не особенно преуспевали. Основной доход давал экспорт сырой шерсти. Страна была чем-то вроде большого овечьего пастбища, как выразился один английский историк экономики. А с пастбища сильно не наживешься.

Зато, по средневековым меркам, Англия после высадки там Вильгельма Завоевателя была довольно централизованной страной. А в такой стране проще собирать налоги. И вот английские короли стали разрешать богатым людям, не желающим служить в армии, платить специальный откуп. По сути дела это был своеобразный налог, получивший название «щитовые деньги». Много таких денег собирать не удавалось, но те, которые оказывались в королевской казне, использовались для финансирования армии. Полностью наемной английская армия стать не могла, но появление денег позволяло доплачивать воинам за службу. А когда

английский король Эдуард III в середине XIV века решил начать войну с Францией, получившую впоследствии название Столетней, он еще и взял большой кредит у трех богатых флорентийских домов – Барди, Перуцци и Аччайоли.

Заметим попутно, что к кредитованию прибегали и в Семи Королевствах. Деньги аристократам из Вестероса давал Железный банк Браавоса. Только в отличие от трех флорентийских банкирских домов, разорившихся, когда Эдуард не смог расплатиться с ними по кредиту, Железный банк каким-то образом находил способ заставлять нерадивых заемщиков возвращать деньги.

Но вернемся к Столетней войне, в ходе которой англичане нанесли французам несколько серьезных поражений. В результате этого Франция оказалась в глубоком кризисе. Потеря контроля над страной и бесчинства английских солдат, грабящих провинции, заставили французских монархов реформировать государственную систему и, в частности, менять устройство армии. Наряду с феодальными воинскими контингентами появились наемные – так называемые ордонансные роты. Часть наемников привлекалась из-за рубежа, часть составляли сами французы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.